

ПАРАД УГЛЕВОДОРОДОВ

Прогноз председателя редакционного совета журнала «Нефтегазовая вертикаль Кирилла Молодцова на развитие угольного, нефтяного и газового рынков в 2022 году и в обозримой перспективе

Исторический поворот

Воистину прав был Гераклит, сказав примерно 2500 лет назад, что все течет, все меняется! И навряд ли в прошлом январе, когда мир захлестывала неопитская одержимость по альтернативной энергетике, кто-то мог себе представить, что углеводороды ровно через год триумфально вернутся на мировые рынки. В этом, пожалуй, и кроется основное коварство прогнозов, когда наша подвижная, перманентно-изменяющаяся реальность подкидывает «черного лебедя», который переворачивает игру. Впрочем, человек, получив от природы разум, а значит – и любознательность, всегда жаждет заглянуть за горизонт, узнать, что там ждет в будущем. Добавок, для постановки и достижения экономических целей, хочешь не хочешь, а планирование все-таки нужно, и без прогнозов здесь никуда не денешься.

Отправной точкой, с которой мы и начнем разворачивать перспективу, выступает Климатический саммит ООН, прошедший в ноябре 2021 года в Глазго. Почему, спросите вы? Дело в том, что форум действительно можно назвать историческим. На фоне европейского энергокризиса, продемонстрировавшего неадекватность курса на агрессивное «озеленение» экономики, мировое сообщество выбрало в Глазго мягкую траекторию низкоуглеродного развития. Весьма симпатично, что сторонники агрессивного «озеленения» выразили «глубокое разочарование» недостаточной амби-

циозностью итогового документа – Климатического пакта Глазго. Победа взвешенного или, если хотите, рационального, разумного подхода к энергопереходу была определена тем, что в условиях неопределенности, – тех самых «черных лебедей», о которых говорилось выше, – становятся важнее не глобальные, а национальные интересы. Никто не хочет остаться без тепла и энергии перед очередным зимним сезоном, замерзая в угоду абстрактным, политически-обусловленным идеям, навязанным извне.

От «постепенного прекращения» к «постепенному сокращению»

В этом отношении стал показательным вопрос по углю. Крупнейшие экономики мира, такие как США, Китай и Россия, не присоединились к глобальному соглашению по отходу от этого энергоресурса, а Индия, – второй после Поднебесной импортер угля, – попросила изменить в финальном тексте Климатического пакта словосочетание «постепенное прекращение» (phase-out) на «постепенное сокращение» (phase-down) использования угля. Австралия же, на чью долю приходится 30% мирового угольного рынка, а доля твердого «черного золота» в энергогенерации составляет порядка 80%, еще до саммита в Глазго выразила четкое намерение продолжать добычу данного ресурса. К слову, Россия также планирует развитие угольной промышленности на средне-

срочную перспективу. По консервативному сценарию к 2035 году в нашей стране будет добываться 485 млн т угля (для сравнения – сейчас добывается около 390-400 млн т в год), а по оптимистическому – 668 млн т. В обоих случаях на экспорт будет уходить от 60% добычи.

Как мы можем видеть, недавние события ниспослали угольным скептикам обильную пищу для размышлений. Еще вчера модные тренды имеют свойство проходить, и глобальная «зеленая» повестка, которая, скажем прямо, уже наскучивает мировому сообществу, не смогла обрушить экспортный потенциал твердого «черного золота». Наоборот. Можно констатировать, что текущий спрос на энергетический уголь, составляющий цифру примерно в 7 млрд т в год, в обозримой перспективе будет только расти. Другой вопрос – когда начнется спад? Здесь все будет зависеть от скорости расширения масштабов НДТ. В Глазго мировое сообщество наметило временные рамки, когда технологическое развитие позволит отказаться от угольной генерации, – 2030–2040-е гг. Соответственно, ряд экспертов прогнозирует спад, начиная с 2030 года.

Но, как вы понимаете, это – лишь ориентировочно. Во-первых, многие страны еще не могут или не имеют средств отказаться от угля. Например, даже такие крупные экономики, как Индия и Китай, где угольная генерация составляет свыше половины всего энергобаланса этих государств, отодвигают сроки достижения углеродной нейтральности за 2060 год и дальше. Во-вторых, уголь – это надежная и доступная энергия, что отвечает целям устойчивого развития в контексте энергообеспеченности всего человечества. И наконец, в финальный текст Климатического пакта Глазго было добавлено примечательное уточнение – мировое сообщество откажется не от всего угля, а только такого, который не предусматривает нивелирования вредных выбросов через технологии улавливания и хранения углерода. Все это говорит о том, что спрос на уголь хотя и сократится, но, скорее всего, останется заметным и за рубежом 2040-х гг.

Конкуренетоспособная нефть

Очень интересно проследить и то, как в итерациях Климатического пакта менялась риторика об углеводородах. Изначально, черновой текст документа призывал к посте-

пенному отказу от субсидий для производства и потребления ископаемого топлива, однако в итоге все ограничилось призывом к сокращению «неэффективных» топливных субсидий. Что же означает эта обтекаемая формулировка? Давайте попытаемся ее расшифровать.

И здесь, прежде всего, стоит ответить на простой и вместе с тем глобальный вопрос – а сколько вообще нефти нужно миру? Много. Порядка 120 млн баррелей в сутки на период 2022-2030 гг. Эта цифра взята не «с потолка», а на основе разницы между оценкой потенциального спроса в 2030 году и текущими возможностями мировой нефтяной промышленности (если говорить конкретнее – объемами запасов категорий А и В). При этом ряд экспертов предрекает сокращение добычи в странах, не входящих в ОПЕК. Действительно, на сегодняшний день в таких странах, как Россия, Китай, США и Норвегия наблюдается тенденция к истощаемости запасов, находящихся в промышленной разработке. Это – старые месторождения, традиционные регионы нефтедобычи. Например, степень выработанности запасов нефти категорий А+В₁+С₁ увеличилась в России с 52,8% до 57% преимущественно за счет Европейской части нашей страны, где численность фонда скважин, дающих продукцию, сократилась в одном только 2020 году на 18,9% (!) относительно показателей 2019 года. В свою очередь, это влияет на коэффициент извлечения нефти (КИН), который продолжает снижаться.

Впрочем, при продуманном управлении и долгосрочном (на 15 и более лет) планировании, а самое главное, при должном, а не щадящем контроле со стороны государства за тщательным использованием недр, упаднический пессимизм по поводу истощения запасов превратится в зрелый оптимизм. Прежде всего, в Западной Сибири, – основном регионе нефтедобычи в России, – ключевые показатели производства нефти достаточно стабильны. Примечательно, что Западная Сибирь преодолела тяжелый для всей мировой «нефтянки» 2020 год без особых спадов и в технологических показателях (необходимо отметить, что технологическая стабильность отрасли, исключение риска потери дебетов скважин было одним из трех принципиальных постулатов готовности нефтяной отрасли России для вхождения в сделку ОПЕК+ в уже далеких 2015-2016 гг.). По сравнению с 2019 годом темпы эксплуатационного бурения здесь сократились всего лишь на 0,3%, а объем проходки – на 0,6%. Также следует обратить

Динамика мирового ВВП

Динамика глобального спроса на уголь

Динамика глобального спроса на нефть

Динамика глобального спроса на природный газ

2021

4-4,2

трлн м³

2030

4,4-4,5

трлн м³

2040

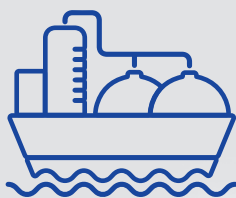

4,5-4,8

трлн м³

Динамика глобального спроса на СПГ

2021

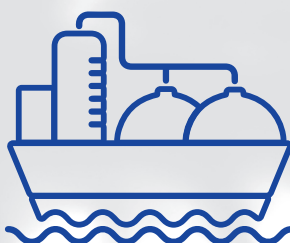

ОКОЛО

500

млрд м³

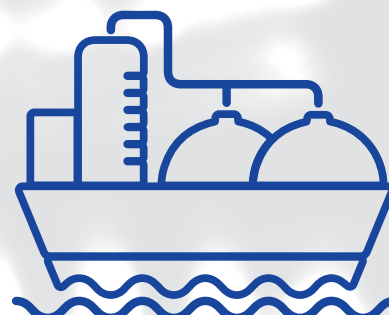
2030

700-750

млрд м³

2040

950

млрд м³

внимание, что общее сокращение нефтедобычи, характерное не только для России, но и глобально для отрасли, было связано с существенным снижением темпов мирового экономического роста в связи с так называемым «коронакризисом», и перманентным эффектом сделки ОПЕК+. На текущий момент российская «нефтянка» преодолевает спад на фоне уже идущего «выздоровления» экономики после начала пандемии. С учетом ожидаемого аналитиками рекордного за десятилетие экономического роста в России, – ориентировочно на 4,2% в 2022 году, – добыча углеводородов, равно как и производство нефтепродуктов в нашей стране должно выполнить задачу уровня добычи минимум 2017 года (хотя мы и слышали ранее более амбициозные доклады).

Соответственно, под влиянием глобального тренда к восстановлению темпов экономического роста, который наблюдался на протяжении прошлого года и, несомненно, продолжится в 2022-м, мировой рынок нефти будет менее волатилен по сравнению с предыдущими годами. Поэтому в обозримой перспективе вряд ли стоит ожидать провокаций рынка, спровоцировавших обрушение цен 2-летней давности. Тем более что сами страны ОПЕК, равно как и ее партнеры по ОПЕК+, заинтересованы в сбалансировании рынка по мере восстановления спроса. И если в 2020 году доля рынка ОПЕК составляла примерно 30%, то в течение большей части предстоящего десятилетия она, по мнению ряда экспертов, не увеличится намного выше 32-33%. Отсюда можно ожидать, что на период 2022-2030 гг. цена на нефть будет колебаться в текущем на сегодняшний день диапазоне \$60-80 за баррель (без учета дальнейшей динамики инфляции).

Все это говорит об очевидной вещи – в среднесрочной перспективе мировая экономика, или вернее сказать, мировое хозяйство сохранит свою зависимость от нефти. Вы, конечно же, можете возразить, что альтернативная энергетика вкупе с соответствующей идеологической подготовкой уже составляет нефти серьезную конкуренцию. Но пока конкурентное преимущество у ВИЭ перед нефтью лишь одно – их большая экологичность. Однако не следует забывать, что ВИЭ в настоящее время вкладываются существенные средства в мероприятия, направленные на оптимизацию бизнес-процессов по всей цепочке добавленной стоимости, повышение собственной энергоэффективности и ресурсосбережения, что открывает существенные резервы для снижения углеродного следа.

Вдобавок, на текущем уровне технического прогресса ВИЭ не обладают тем же КПД, что традиционные энергоносители. Иначе осенью не случилось бы энергодифицита в странах, где доля альтернативной генерации составляет до 50% всего национального энергобаланса. Да к тому же «зеленая» трансформация – это очень дорогое удовольствие, которое, прямо скажем, не «по карману» многим даже из двадцатки ведущих экономических держав. Нефть, равно как и уголь, остаются надежным и доступным энергоресурсом, обеспечивающим функционирование глобальной экономики на фундаментальном уровне. Это понимают инвесторы, для которых в обозримой перспективе нефтяная промышленность останется «лакомым кусочком». Собственно, в этом, как видится, и кроется позиция мирового сообщества, сводящаяся к сокращению лишь «неэффективных» топливных субсидий, а не вложений во всю отрасль в целом.

«Золотой» путь

В контексте «зеленой» повестки газ выступает неким «золотым» путем за счет своей меньшей углеродоемкости по сравнению с другими «традиционными» энергоносителями. Поэтому прогноз по газовому сегменту – дело, быть может, более благодарное, поскольку здесь перспективы вырисовываются проще и понятнее.

По мнению некоторых зарубежных экспертов, развитие мирового газового рынка в будущем будет определять увеличение обязательств по достижению нулевых выбросов в развитых странах, особенно в Европе, где на перспективу до 2050 года прогнозируется снижение спроса на газ. В свою очередь, сопутствующее расширение доли ВИЭ в глобальном энергобалансе сделает Азию единственным регионом, в котором к указанной дате сохранится устойчивый рост спроса на газ.

Действительно, на страны Азиатско-Тихоокеанского региона приходится более 60% мирового ВВП, и это – не предел. Даже несмотря на пандемийный кризис, многие «азиатские тигры» демонстрировали экономический рост. Речь, прежде всего, идет о Китае – крупнейшем импортере нефти и газа в мире – и, особенно, о Японии, которая с июля по сентябрь 2020 года показала рекордные за 40 лет темпы экономического развития. Примечательно, что по итогам прошлого года

именно в «Страну восходящего солнца» был отгружен самый большой объем СПГ в рамках проекта «Сахалин-2» – 51,6%. Помимо Японии, в ТОП-4 находятся: Тайвань (17,4%), Южная Корея (16,3%) и Китай (14,1%). Что касается Поднебесной, то она из года в год увеличивает объем импорта по газопроводу «Сила Сибири». Так, в 2020 году в Китай было доставлено 4,1 млрд м³ российского газа, что весьма немало, но только за I полугодие прошлого года эта цифра была перекрыта на 500 млн кубометров! И уже к 2025 году планируется достижение проектной мощности газопровода в 38 млрд м³. Все это позволяет выразить твердую уверенность в том, что объем потребления энергоресурсов «азиатскими тиграми» не только не будет стагнировать, а наоборот – увеличится.

На европейский же рынках сбыта природного газа складывается интересная ситуация. С одной стороны, в краткосрочной перспективе они останутся довольно волатильными. Спрос здесь определяется как погодными условиями, – лето жаркое, а зима холодная, – так и уровнем заполняемости ПХГ. Пример с рекордными пиками цены на газ зимой 2021/22 гг. и рекордными отборами газа из ПХГ – тому подтверждение. С другой стороны, в Европе работает множество предприятий, в том числе непрерывного цикла (например, химические производства), которым, по понятным причинам, жизненно необходим доступ к бесперебойным источникам энергии. Как показал осенний энергокризис, «ветряки» и солнечные панели пока не могут этого обеспечить в полной мере, поэтому в условиях диктата Зеленого курса страны ЕС будут вынуждены выбирать «меньшее из зол» – низкоуглеродный природный газ. Собственно, спрос на него в Европе, во-многом, будет зависеть от темпов реструктуризации промышленного сектора в наиболее развитых европейских экономиках.

При всем при этом надо понимать, что, как уже подчеркивалось, глобальная экономика восстанавливается после «коронакризиса». И взгляд аналитиков на среднесрочную перспективу довольно радужный. Так, к 2040 году мировой ВВП вырастет примерно на \$50 трлн. Естественно, что такие темпы роста должны обеспечиваться увеличением спроса на энергию, и вот здесь для газа открывается окно возможностей. В условиях всеобщей приверженности целям устойчивого развития, расширение инфраструктуры, прежде всего, в развивающихся странах простимулирует стабильное увеличение потребности в низкоуглеродном газе. Таким об-

разом, глобальный спрос на «голубое топливо» будет расти как минимум до 2040 года. Причем, по некоторым оценкам, этот рост составит в среднем 1,2% в год.

Благоприятный год

Наверняка у вас, дорогой читатель, назрел вопрос вроде того, что среднесрочная перспектива – это хорошо, но что будет в 2022 году? Для этого и потребовалось заглянуть в глубину, дальше завтрашнего дня. Чтобы понять, что нас ожидает в наступившем году, надо выделить два глобальных фактора. Первый – мировая экономика «приходит в себя» после наступления пандемии и уже восстанавливает темпы своего роста. Второй – мировое сообщество избрало в Глазго мягкую траекторию низкоуглеродного развития, отказавшись от всеобщей принудительности к агрессивному «озеленению» национальных экономик. Все это открывает даже не дорогу – целый просpekt для триумфального возвращения или, если хотите, парада углеводородов, спрос на которые ожидается устойчивым, как минимум, до середины XXI века.

При этом вряд ли нас ожидают крутые ценовые ралли, поскольку стабилизация спроса влечет за собой и относительное снижение волатильности рынков. Поэтому для «традиционных» энергоносителей 2022 год выдаться вполне благоприятным, хотя, конечно же, нельзя исключать и риски, выраженные в появлении новых штаммов коронавируса или в усилении санкционного давления на страны-экспортеры углеводородов. Однако эти негативные факторы присутствуют с нами уже не первый год, и мировые рынки к ним более-менее адаптировались. При этом Россия продолжит увеличивать свое влияние на глобальную энергоустойчивость, что полностью соответствует как идеологии мягкой силы, так и потенциалу и авторитету нашей страны.

Но это – только прогноз, а там, как говорится, поживем – увидим. Поэтому я буду рад встретиться с вами в конце следующего года, чтобы сравнить по его итогам, что сбылось, а что – нет. Пока же от лица редакционного совета и от себя лично приглашаю вас ознакомиться с другими экспертными оценками и прогнозами, представленными в первом в новом году номере журнала «Нефтегазовая Вертикаль», и тем самым присоединиться к диалогу о том, как будет развиваться российский ТЭК в ближайшие 12 месяцев и дальше. 📄

